

Вектор жизни Бориса Христенко

Борис Николаевич Христенко — инженер, человек, известный в научных кругах нашего края, многолетний педагог Челябинского политехнического института. Сегодня в этих стенах продолжает работать лаборатория деловых игр, основанная им в 80-е годы прошлого века (ныне носящая его имя), где по-прежнему воспитываются новые кадры ученых-программистов.

Алексей Казаков
Челябинск

Личностью он был неординарной. Многие его уважали, но были и такие, кто воспринимал, мягко говоря, с неприязнью. Его прямота и жесткость характера четко указывали на нелегкие прожитые годы.

В семейном кругу он всегда вспоминал о дорогих родителях — матери Маррене Ивановне и отце Николае Григорьевиче. «Мама была создана для мужа, для семьи и всю себя отдавала нам. Не сомневаюсь, многое во мне и брате заложено матерью. Отец наш, строгий верховный судья, приучил нас к обязательности, исполнительности и инициативе, поощрял все наши ребячьи выдумки», — вспоминал Борис Николаевич.

Уроженцы Полтавщины, отец и мать вырастили двоих сыновей Бориса и Владимира, дав им в наследство любовь, тепло и мастерство — все, что помогало детям выстоять в этой сложной жизни. Родившись во Владивостоке, Борис Христенко детство и юность провел на Дальнем Востоке. Отец его в числе активистов-железнодорожников был направлен Советской властью в 1926 году за границу, в Маньчжурию, на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) в Харбин, в управление дороги, когда на паритетных началах восстанавливались права Советской России. Жизнь семьи в Харбине первые три года проходила вполне благополучно и в достатке, до тех пор, пока в 1929 году не разразился советско-китайский конфликт на КВЖД. Работа железной дороги была парализована. Началась безработица, сказавшаяся и на семье Христенко. К этому добавились еще и притеснения со стороны эмигрантов-белогвардейцев, японских военных, конных отрядов бандитов-китайцев (хунхузов), грабивших пассажирские и грузовые поезда. Светлым воспоминанием для Бориса стали годы, проведенные в стенах «Индустриально-транспортного техникума КВЖД для детей граждан СССР» в Харбине.

«Много в жизни моей было маленьких и больших удач, только годы, проведенные в Техникуме, нельзя сравнить ни с чем, я считаю их самыми счастливыми, полезными и памятными в своей судьбе. Почему я пишу слово «Техникум» с большой буквы? Потому что его роль, его значение в моей жизни можно сравнить только с Отцом и Матерью, давшими мне жизнь. Если говорить правду, то всеми своими знаниями, технической подготовкой, успехами в высшей школе, авторскими свидетельствами и работой над диссертацией я обязан Техникуму и тому коллективу преподавателей, с которыми счастливо связала меня судьба. Вечная память и неизбывная благодарность навсегда остались в моей душе», — вспоминал он о днях своей молодости в Маньчжурии.

В 1935 году, не желая ввязываться в войну с Японией, СССР отказался от своих прав на Китайско-Восточную железную дорогу. Началось великое переселение «кавэждинцев» числом более 150 тысяч человек. С одной из первых партий в Советский Союз выехала и семья Христенко. «Мы переехали в Россию в новые условия жизни. Работают и отец, и мать. Вовка доучивается в консерватории. Я — на «своих хлебах». Материальное благополучие восстановлено, но семья распалась. Город Ташкент, 1935—1937 годы. Пишу везде «мы», так как уверен, что вос-

поминания моего брата Владимира были бы примерно такими же. Обидно, но вся семейная хроника трагически обрывается в июне 1937 года...» — объяснял этот период жизни семьи Борис Николаевич, делая окончательный вывод о том, что происходило в то далекое советское время. «В июне 1937 года все этапы совместной жизни неожиданно прервались. Всех рассадили в разные клетки... Наступил жуткий 1937 год. Где-то в верхах какой-то параноик задумал целью выловить всех кавэждинцев, взрослых и детей, и отправить их в тюрьмы, лагеря, детские дома и спецпоселения, чтобы не осталось никого в живых. Всем предъявили одно стандартное обвинение: контрреволюционная деятельность, шпионаж в пользу иностранного государства. Директиву Центра на местах, как положено, выполнили и перевыполнили. В эти годы решилась судьба трех поколений несчастных русских людей, бывших работников КВЖД, вернувшихся в Россию... В живых и в виде полутрупов остались единицы. ... Произвол Фемиды — это название самое подходящее... Потому что все, что происходило со мной в дальнейшем, ни одним

человеческим законом не объяснить, его не может принять ни одно общество. Все пределы пренебрежения к человеку, как существу тебе подобному, все законы христианские и догмы святой инквизиции в одночасье превратились бы в прах перед произволом «человека с ружьем» с того момента, как за тобой клацнул замок окованной двери».

В кровавый 1937 год в подвалах сталинско-ежовской охраны оказалась вся семья Христенко: отец, мать и их сыновья — Владимир и Борис. Отец бесследно сгинул в лагерях, мать после мучительных лагерных этапов умерла инвалидом в 1946 году, Владимир, душевно надломленный, вернулся из пересыльной тюрьмы в Полтаву, в 1941 году был угнан фашистами в Германию (после войны как «перемещенное лицо» оказался в Америке, где и умер в 1981 году, еще успев порадоваться рождению внучатого племянника Владимира, названного в его честь; в последнем письме так и написал: «Теперь можно умирать! Будет жить на свете новый Владимир Христенко»). Борис, едва успев проголосовать за Сталинскую конституцию, 30 декабря 1937 года был арестован.

Далее началось «все невольное», начиная с «пахнувшего гнилью и плесенью помещения» — бывшего овощехранилища, ставшего КПЗ, и полтавской тюрьмы на улице Пушкина. А затем начались этапы большого эзковского пути: Сухобезводное, Унжлаг, лесные командировки лесоповалов. На них Борис Христенко уяснил в полной мере несложный кодекс тюремных правил: «Главная заповедь — не высываться! Главная цель — подавить в тебе все человеческое, доказать тебе, что ты ничтожество! Главная трудность — остаться Человеком!»

О том времени он вспоминал: «Сначала человека сажают в тюрьму, а потом всей силой государственного репрессивного аппарата доказывают его вину.

Прямолинейность и одаренность Бориса Христенко всегда подкреплялись жесткостью его характера

Предварительно месяцами изнурительной физической пыткой, содержанием в нечеловеческих условиях ломают его волю. Заранее известно, что ни один из заключенных на волю не выйдет, и всякое сопротивление бесполезно. Твоя вина уже доказана. Никакого суда, где ты можешь как-то оправдаться, не будет... Когда с людей содраны все мундиры, сняты все цапки, которыми они себя украшали, и они в одной грязной майке валяются на нарах, на равных с тобой, как легко обнаруживается их человеческая сущность, их настоящая цена! Остается только удивляться, как такое ничтожество могло кем-то руководить, подчинять себе других, вообще что-то делать? Многому я научился в этих условиях, сильно пополнилась моя юношеская копилка знаний о поведенческой психологии взрослых людей. Да! 1937 год был страшным, ужасно жестоким. Погибли миллионы ни в чем не повинных людей, но и сволочи разной, нечисти вместе с ними унесло немало. Обидно, что цена за очищение человеческого общества от этого мусора была неоправданно высокой».

Десять лет неволи (1937—1947) многому научили Бориса Христенко, о чем он позже напишет: «Прошел я все должности лагерных «придурков»: от десятника до прораба. Здорово научился в разбираться в лесных делах, поработал на всех работах, связанных с лесоповалом. Был грузчиком на складе, научился укладывать и увязывать круглый лес на железнодорожных платформах, был конононом, то есть вывозил сосновые бревна по лежневкам на склад, научился наваливать любой толщины бревно на двухколесный передок и вытаскивать его из леса... Был награжден четырьмя грамотами «За высокие производственные показатели». Вошел, как говорят, в роль и, казалось, навсегда устроился в этой жизни. Только всегда и везде неизменно стояли передо мной одни и те же вопросы, вызывавшие во мне неподдельный интерес: «А что будет завтра? Что изменится? Что потом?...» И забылась обида на украденные из жизни десять лет. Снова новая жизнь, удивительная, непознанная».

Конечно, обида не забылась. Борис Николаевич всегда помнил поименно своих обидчиков («сраловодов», как он их называл), которые преследовали его и в заключении, и в годы после освобождения, когда, вплоть до 1958 года была, по его словам, «свобода хуже неволи». Города Горький, Темиртау, Караганда, Зуевка (Донбасс), Троицк, Челябинск стали производственными этапами инженера-самородка Бориса Христенко. Практически любое производство (разбитое, расхлябанное) он превращал в образцово-показательное. Обычное ярмо советского подневольного труда с закабалением рабочих людей самых разных даря смекалке и основательному трудолюбию, как учил еще его отец, в трудовой праздник, когда «рабочие искренне радовались общему успеху». Но завистники и стукачи-кадровики все равно мешали жить. Не зря

на малых предприятиях обходились отделами кадров, на больших — создавали первые отделы.

«Я, по мнению отдела кадров завода, очень подходил на роль резидента: грамотнее иного инженера, предан производству, даже спит в цехе, выправил дела цеха, зарабатывает авторитет, лишнего не болтает, а главное — без документов и с подзвездным паспортом. А потом: как это в цехе на сто девяносто человек, где сорок четыре коммуниста, не нашли начальника, а все возглавляет бывший зэк? Явный беспорядок. Мало ли, что за него директор. Директора тоже можно на место поставить!.. И нашлись коммунисты, которые, демонстрируя преданность КПСС и свою бдительность, на одном из партсобраний так и поставили этот вопрос... Уходил я с гадким чувством раздвоенности. Не знал, что еще много лет меня будут преследовать на всех предприятиях, куда бы я ни поступил. Десять лет в лагере я вспоминал как счастливую жизнь, где все было определено и настроено. Колочная проволока, лай овчарок, дикость каждого, кто был при погонах, и готовая пайка хлеба с утра тебе гарантированы. А больше никаких забот. Какой это лагерь? Это — свобода. А неопределенность твоего положения, унижение, несправедливость, ежедневная забота о хлебе, о семье, о ребенке! Какая это свобода? Это — каторга. После лагеря мне досталось еще десять лет каторги. Вот такая жизнь. Первый раз я вздохнул полной грудью в 1958 году, когда получил справку о реабилитации, восстановлении человеческого достоинства», — рассказывал свою исповедь Борис Николаевич.

Но в личной жизни он обрел свое счастье, встретив в Троицке Людмилу Никитичну Русину. «О счастливой жизни нужно писать отдельно, а пока можно с уверенностью сказать, что с Людмилой пришел покой в мою мятежную душу, появилась цель в жизни, жизнь приобрела смысл. В 1957 году у нас родился сын Виктор. В это имя мы вложили большой смысл. Виктория — это Победа. Победа над обстоятельствами, когда они все против вас. Победа над людьми, пророчащими вам гибель и делающими все, чтобы ее ускорить. Победа над собой, когда наступает кризис, силы оставляют тебя и хочется уйти из этой жизни. Сын — это зорство. Не прервется родовая линия Христенков, едва не погасшая в пламени смутного времени на Руси... Для тех, кто уцелел в этом буреломе, начиналась новая жизнь», — размышлял Борис Николаевич.

На склоне лет он написал книгу-воспоминание «Повесть о пережитом».

Эта книга — история одной семьи в хронологическом охвате с 1913 по 1958 год. Своим записи-воспоминания он писал для себя и своих близких.

Каким-то дальним благородным отзвуком веет от страниц этой книги. И это не случайно. Слишком многое в российской действительности повторяется и в судьбах людей, и в минувших десятилетиях.